

воротного исчезновения данного индивидуума, как это понимается научным сознанием во всем его диапазоне, от физики и физиологии до объективного идеализма и деизма.

Говоря онтологически и экзистенциально, назначение смерти в том, что мир с момента ее возникновения-осознания существует в отблеске света, ею излучаемого. Многообразие же этих свето-смысловых всполохов определяет духовный уровень и своеобразие собственно культуры, ее обрядовость и характер метафизики. Так вступают в диалог мир профанный и сакральный, даже в тех случаях, когда последний отрицают.

Библиография

- Выквырагтогррган Л.* Чукотка. 1998.
Назаретян А.П. Архетип восставшего покойника как фактор самоорганизации // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 81.

Ю.Е. Березкин

ВОРОН И ЗМЕЙ **(альтернативные объяснения смертности человека)**

Среди семи-восьми мотивов, лежащих в основе мифов о происхождении смерти в тропической Африке и индо-тихоокеанской половине мира [Березкин 2007], наиболее распространен мотив смены кожи как условия бессмертия. В большинстве версий люди противопоставлены змеям, которые, в отличие от людей, регулярно сбрасывают кожу и обновляются. Данный мотив использован в аккадском эпосе, согласно которому змея, укравшая «цветок бессмертия» у задремавшего Гильгамеша, уползает, сбрасывая по пути кожу. В античности мотив бессмертия сбрасывающих старую кожу змей был известен в восточном Средиземноморье, но людям змеи в источниках этого времени не противопоставляются и виновниками смертности человека не называются. Позже из европейского и переднеазиатского фольклора данный мотив исчезает.

В записанных в XX в. ближневосточных текстах, восходящих в конечном итоге к «Роману об Александре», Искандер Двурогий отправляется в страну тьмы искать источник бессмертия. Для этого он вступает в дружеские отношения с властителем этой страны. Александр либо достает воду, но затем теряет ее, либо один из его спутников тайком купа-

ется в источнике, но скрывает это от остальных и убеждает Александра вернуться [El-Shamy 1980, № 23: 137–138, 271]. Общая схема рассказа близка «Гильгамешу», что особенно очевидно в персидском варианте, по-видимому, циркулировавшем в устной традиции в Хорасане. На западе в покрытой вечной тьмой местности Зуомат близ горы Каф есть источник с живой водой, поверхность почвы вокруг горячая. Пройти туда можно лишь с разрешения Хави Хизра. Тот дал разрешение Александру и его сорока всадникам, объяснив, как не обжечь по пути ноги. Александр наполнил сосуд, затем, выйдя в светлый мир, повесил сосуд на ветку. Прилетел Ворон (Crow), напился воды, опрокинул сосуд. Жидкость пролилась на деревья, в результате чего кипарис и сосна стали вечнозелеными, а ворон — бессмертным [Donaldson 1938: 92].

Мотив Ворона, пролившего эликсир бессмертия на деревья (вместо того чтобы принести его человеку), и другие мотивы, противопоставляющие Ворона людям как бессмертного смертным или/и характеризующие его как виновника смертности человека, распространены в северной Евразии и Северной Африке (от Приморья и Монголии до Ирландии и Марокко). В Старом Свете ареал образа Ворона как существа, наиболее прямо связанного со смертью и воскрешением, альтернативен ареалу, где подобная роль отведена змее. Однако для Нового Света подобная альтернатива неактуальна, там Ворон (или другие крупные птицы-стервятники) с мифами о происхождении смерти не связаны. Это дает основания полагать, что образ Ворона в соответствующей роли или по крайней мере его широкое, трансконтинентальное распространение можно датировать относительно поздним временем, менее 10 000 л.н., когда процесс заселения Америки в основном завершился.

Альтернативное распределение образов живых существ, считающихся виновниками смертности человека, — лишь одно из многих отличий континентально-евразийской мифологии от индо-тихоокеанской. Если последняя в ряде отношений связана с африканской, так что ее ядро могло быть принесено первыми мигрантами ок. 50 000 л.н., то Западная и Центральная Евразия демонстрируют другие наборы мотивов, которые если и представлены в Африке, то скорее всего проникли туда достаточно поздно. Главная причина того, почему древнейшее ядро мифологии за пределами Африки сохранилось в тропических областях и не сохранилось в более северных, может заключаться не просто в «разбалансировке» культуры, первоначально приспособленной к тропикам, в приледниковой зоне Евразии, но и в сокращении числа обитателей континентальной Евразии в эпоху Последнего ледникового максимума (LGM, 22 000–16 000 л.н.) и вымирании многих групп, со-

хранявших древнейшие, африканские по происхождению, культурные элементы.

Объяснение роли LGM как «бутылочного горла», через которое прошли лишь немногие языки, распространенные на планете ранее, выдвинуто М. Гелл-Манном, и оно хорошо работает также и в случае с фольклорно-мифологическими мотивами. После окончания LGM на облике культуры в Северной Евразии должен был сказаться «эффект прародителя». Случайные культурные мутации, накопившиеся у отдельных переживших LGM групп, сделались нормой. В результате возник новый набор фольклорно-мифологических мотивов, часть которых успела проникнуть в Северную Америку (и лишь мелкими незначительными вкраплениями — в Южную), а часть сделалась характерной исключительно для Евразии.

Главная трудность данной гипотезы — вполне «индо-тихоокеанский» облик южно-американской мифологии. Либо первые мигранты в Новый Свет попали туда до LGM (чему нет археологических подтверждений), либо (скорее всего) они расселились из сравнительно теплых притихоокеанских областей Азии, где сохраняли ядро своей мифологии на протяжении LGM.

Библиография

Березкин Ю.Е. Происхождение смерти — древнейший миф // Этнографическое обозрение 2007. № 1. С. 70–89.

Donaldson B.A. 1938. The Wild Rue. A Study of Muhammadan Magic and Folklore in Iran. L., 1938.

El-Shamy H.M. 1980. Folktales of Egypt. Chicago; London, 1980.

О.С. Шерстобитова

ФЕНОМЕН СМЕРТИ — ТРАНСЦЕНДЕНТНАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ (к проблеме осмысления символов смерти в древних традиционных обществах)

Символика смерти — наиболее яркая, значительная и вневременная сакральная категория, присущая всем без исключения культурным традициям, как прошлого, так и настоящего. Именно символы апеллируют к основе основ любой цивилизации, и именно они, являясь особы-